
ЭТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Н.М. Дмитриева

Кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, Оренбург, Россия, 460018

Рассматривается этическая наполненность концепта «счастье», характерная для русской ментальности. Анализируется семантика концепта в словарных статьях русского и церковнославянского языков и речевых употреблениях.

Ключевые слова: концепт, менталитет, языковая картина мира, этическая нагрузка.

Ранее в наших работах мы оперировали понятием этической нагрузки слова [8], понимая под этим этические ментальные представления, заключающиеся во внутренней форме слова и обнаруживающие себя чаще всего в «лексическом фоне» (Верещагин, Костомаров).

Этическими представлениями, т.е. ценностными, на наш взгляд, правильно считать прежде всего религиозные воззрения, определяющие взаимоотношения Бога и человека и собственно этические, характерные для отношений между людьми. Однако, как показывает наше исследование, последние, как правило, также связаны с религиозными устоями и традициями.

Одним из основополагающих концептов для русской языковой картины мира является концепт «счастье». Он несет устойчивую положительную коннотацию, причем во всех современных значениях. Этот аспект подмечен в работе А.А. Зализняка: «*счастье* однозначно принадлежит к „высокому“ регистру и несет в себе очень сильный эмоциональный заряд» [10. С. 169] и С.Г. Воркачевым [6. С. 49].

Интересен тот факт, что в словаре церковнославянского языка слово «счастье» отсутствует, однако в Этимологическом словаре М. Фасмера указывается на наличие церковнославянского «сѣчьастьнѣ», имеющего значение «причастный» [15. С. 816]. По данным словаря, это слово встречается и в древнечешском, в чешском, словацком, польском языках. Его происхождение объясняется, вслед за И.А. Бодуэном де Куртенэ, из сложения древнеиндийского слова *su* со значением «хороший» и праславянского *čęstь* — «часть», т.е. хороший удел. Таким образом, можно выделить смысловую долю: хорошая часть. При выделении смысловых долей мы воспользовались методикой исчисления фоновых семантических долей [4. С. 361—362]. Однако нам кажется, что слова-концепты в силу своей сверхнаполненности смыслами следует делить именно на смысловые доли, включающие в себя семантические как более частные.

А.А. Зализняк подчеркивает, что в словаре В.И. Даля вычленяется этимологическое значение слова, что автор словаря видит внутреннюю форму слова, при этом исследователь называет такие смысловые доли, как «совпадение», «общая часть», хотя у В.И. Даля указываются еще и значения «со-часть, доля, пай, рок,

судьба, часть» и «участь, доля». Семьи «судьба, участь, доля», как нам кажется, более указывают на хорошую часть, лучшую долю, нежели общую.

По мнению А.А. Зализняка, «счастье» «находится где-то рядом со „смыслом жизни“ и другими фундаментальными и непостижимыми категориями бытия» [10. С. 169]. Следует уточнить ту смысловую долю концепта «счастье», которая ставит его в один ряд с категориями бытия. Такие фундаментальные понятия всегда наполнены этическим смыслом. Этическая нагрузка концепта «счастье» связана с указанным в этимологическом словаре словом «причастный».

В современном языке, по данным словаря С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, встречается два омонима: «причастный» — имеющий непосредственное отношение, касательство к чему-нибудь и «причастный» от «причастие» (грамматическая форма глагола). Таким образом, «причастный», этимологически родственное слову «счастье», восходит к первому омониму, т.е. «имеющий общую часть». Однако древнее «причастный» связано еще и с омонимом «причастие» в значении «причащение», о чем не сказано в словаре, но что становится очевидным при знакомстве со словарными статьями: «Причастие 1. То же, что причащение. 2. Символизирующее кровь и тело Иисуса Христа вино в чаше и кусочками просвиры, принимаемые верующими во время церковного обряда причащения» [11. С. 602]. Причащение, в свою очередь, определяется как «христианское таинство принятия *причастия*». Для полноты понимания сущности христианского причастия обратимся к церковнославянскому языку: причащение — «таинство, в котором верующий под видом хлеба причащается истинного Тела Христова, и под видом вина — истинной Крови Христовой, и таким образом соединяется со Христом и в нем становится *участником жизни вечной*» [9]. Таким образом, обнаруживаются две общие смысловые доли слов-концептов «счастье» и «причастие»: «общая часть» и «лучшая часть» (вечная жизнь в Царстве Божьем, в раю).

Очевидно, что современное понимание счастья связано с представлениями об участи, хорошей доли, потому оно и понимается современными носителями языка очень по-разному, потому что лучшую долю каждый определяет в силу своего жизненного опыта, культурного уровня. Подробно типология личного счастья на примерах русской поэзии XVIII—XIX вв. была рассмотрена С.Г. Воркачевым [6]. Однако «идеальное» представление о счастье в русской языковой картине мира, несомненно, связано с Причастием и восходит к религиозному пониманию счастья как части, доли в Царстве Небесном, как благостного состояния умиротворения от сопричастности к Богу. Этот «идеальный» взгляд сложился, безусловно, на религиозной, свойственной русским (Булгаков, Бердяев, Колесов, Воробьев и др.), оценке действительности. Эта смысловая доля слова-концепта «счастье» закрепились в русской языковой картине мира, стала частью русской ментальности благодаря святоотеческой и русской классической литературе XIX в. Последняя, описывая различные судьбы, счастливые и несчастливые, как правило, отражает ментальное представление: какой бы доли ни хотел для себя человек (любви, богатства, покоя и пр.), ни одна из них не может принести истинное счастье, кроме небесной. Сравните высказывания русских писателей о счастье: *Единственное истинное счастье в жизни — это жить для других* (Л.Н. Толстой); *В жизни есть только одно несомненное счастье — жить для другого* (Н.Г. Чернышевский);

Есть два желания, исполнение которых может составить истинное счастье человека, — быть полезным и иметь спокойную совесть (Л.Н. Толстой). Все примеры отражают религиозную заповедь — возлюби ближнего своего как самого себя, — исполнение которой необходимо для достижения вечной жизни.

Отметим, что в словаре Д.Н. Ушакова, создававшемся во время активной атеистической пропаганды, приводится три омонима, первый из которых обозначает часть речи, второй восходит к церковнославянскому и имеет помету «церковное», однако не раскрывает полностью значения и этического смысла причастия: 1) вино и хлеб, употребляемые при причащении; 2) то же, что причащение. При этом указывается на разговорный характер слова. Третий омоним «причастие» в словаре трактуется как устаревшее книжное слово в значении «причастность», например: «причастие его к этому делу не установлено». Тем не менее, этический смысл, общий для концептов «счастье» и «причастие», который мы отметили выше, сохраняется во внутренней форме слова и преобразуется в высокий смысл идеального счастья, определяемого даже в советскую эпоху в нематериальных категориях. Так, в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой встречаем «счастье» в первом значении как «чувство и состояние полного, высшего удовлетворения (*счастье созидания; стремление к счастью; семейное счастье*) и только во втором значении — «успех, удача». Сравните также: *Счастье — это не жизнь без забот и печалей, счастье — это состояние души* (Ф.Э. Дзержинский).

В словаре Д.Н. Ушакова отмечено четыре значения слова «счастье», и первое, основное, также связано с «состоянием души»: «состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью» (*И стала с счастьем народа цвезть радость в селах и градах* (Рылеев), *Свободу дайте мне, — найду я счастье сам!* (Баратынский), *Пел он воплощение счастья народного* (Некрасов); *Вопрос о личном счастье не прост* (Маяковский), *Шестой уж год я царствую спокойно. Но счастья нет моей душе* (Пушкин); *Счастьем своим бабьим похваляется* (Чехов), *Мурашкина просияла от счастья* (Чехов), причем в первом значении, по Д.Н. Ушакову, у слова есть два уточнения: «то же, как воплощение чувства любви», например: *Привычка свыше нам дана, замена счастию она* (Пушкин), *Без любви, без счастья по миру скитаюсь* (А. Кольцов) и «жить в счастье», например: *Ты обязан составить счастье женщины, которую ты любишь* (А. Островский).

Второе значение слова «счастье» — «успех, удача, преимущественно случайная»: *Солнце не вечно сияет, счастье не вечно везет* (Некрасов), *Не было бы счастья, да несчастье помогло* (поговорка), *У него нет счастья в игре*. На третьем месте в словарной статье размещено значение «участь, доля, судьба», с пометами «просторечное» и «областное». В качестве примеров приводятся пословица *Всякому свое счастье* и поговорка *Такое наше счастье, что на мосту с чайкой*. В этом и следующем, четвертом, значении прослеживается связь с основным значением, указанным также в словаре С.И. Ожегова, Ю.Н. Шведовой, а именно «состояние высшего довольства, удовлетворения», в котором заключена этически раскрываемая смысловая доля «лучшая часть». У Д.Н. Ушакова: «...иметь счастье. Употребляется также как сказуемое главного предложения в значении очень „хо-

рошо, крайне приятно“». Данное значение дается с пометой „разговорное“. *Да! счастье, у кого есть эдакий сынок* (Грибоедов). *Счастье, что все так удачно получилось*.

А.А. Зализняк, опираясь на данные, приводимые в работе Н.В. Уфимцевой, указывает на высокую частотность слова «счастье» в русском дискурсе, хотя частотность данного слова, по мнению исследователя, обусловлена употребительностью выражений типа *к счастью, какое счастье, что; по счастью* [Цит. по: 10. С. 169].

Именно такие употребления приводит Д.Н. Ушаков в дополнении к словарной статье: «К (моему, твоему и т.д.) счастью или к счастью (для меня, тебя и т.д.) или на (мое, твое и т.д.) счастье. Счастье мое (твое, его и т.д.), *что...* — удачно получилось для меня (тебя, него и т.д.)» [14]. Автор отмечает, что такие употребления в значении вводного слова используются при выражении удовлетворения по поводу чего-нибудь, для указания на удачу, успех, т.е. реализуется второе, «материальное» значение слова «счастье». Однако многие речевые употребления, в том числе приводимые Д.Н. Ушаковым в словарной статье, обнаруживают семантическую долю «спасение», что также связано с долей «лучшая часть» и несет этическую нагрузку: *Где деться? к счастью, дуб сухой в глаза попался* (Крылов), *Вьюга, на наше счастье, утихла. Ваше счастье, что вы приехали вовремя*.

О первых двух значениях слова-концепта «счастье», указанных в словаре В.И. Даля, говорилось выше, остановимся на следующем значении: «благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь без горя, смут, тревоги; покой и довольство, вообще все желанное, все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его» [7]. А.А. Зализняк, характеризуя это значение, выделяет смысловую долю: «совпадение того, что есть, с тем, чего человек хочет». По этому поводу исследователь высказывает интересное предположение: «Обращает на себя внимание то, что эта удивительно точная и тонкая формула не содержит идеи „высокого“ (более того, по крайней мере, первая ее часть — „желанная насущная жизнь без горя, смут, тревоги“ — ближе всего к тому, что впоследствии стало обозначаться выражением *мещанское счастье*, т.е. материальное благополучие, богатство, достаток — *Прим. авт.*). По-видимому, в том русском языке, который отражен в словаре Даля, лингвоспецифичный концепт „высокого“ счастья еще не сформировался (по крайней мере, в том виде, в котором он существует в современном русском языке — возможно, отчасти под влиянием советского идеологического дискурса) [10. С. 162]. Позволим себе высказать несколько иное предположение: возможно, в XIX в. смысловая этическая доля «высокого счастья» сохранялась в большей степени за словом «причастие» и лишь в советское время из-за невозможности его употребления в прямом этическом смысле закрепилась за этимологически близким словом «счастье».

Кроме того, речевые употребления, приводимые В.И. Далем, в большинстве своем содержат смысловую долю «душевное благополучие» (состояние покоя, довольства, радости), т.е. отражают этическую нагрузку смысловой доли «лучшая часть», и в меньшей степени — «материальный достаток».

Так, о счастье как душевном покое встречаем: *Счастье в нас, а не вокруг да около. Домашнее счастье, совет да любовь. Лады, в семье, большое счастье.* О счастье как о довольстве душевном, так и телесном, материальном благополучии речь идет в примерах: *Жить в счастье, во времени, благоденствовать. Даст Бог здоровья, даст и счастья. Счастье мать, счастье мачиха, счастье бешеный волк. Счастливит кого, осчастливит, делать счастливым, наделять счастьем, чем-либо желанным. Жизнь мою счастливят дети.*

Однозначное понимание счастья как материального благополучия встречается нечасто: *Не то счастье, о чем во сне бредишь, а вот то счастье, на чем сидишь да едешь.* К тому же в приводимых В.И. Далем примерах можно заметить и другие значения, например, «удача, везение»: *Со счастьем на клад набредешь, без счастья и гриба не найдешь. В схватке, счастье великое дело. Счастье дорожке богатырства. Счастье, что вешиное ведро (ненадежно). Счастье — что палка: о двух концах. Счастье, что трястись: на кого захочет, на того и нападет. Счастье велико, да ума мало. Глупому счастье, умному Бог дает. Сегодня счастье, завтра счастье — помилуй Бог, а ум-то где?*

Смысловую долю «земное блаженство», указанную В.И. Далем, А.А. Зализняк включает в список идей «русской мифологии счастья»: «счастье — это *земное блаженство*; счастье где-то есть, но ему нет места в жизни *здесь и сейчас*; счастье нельзя приобрести каким-либо алгоритмическим образом (заслужить, заработать и т.п.), его можно либо случайно *найти*, либо оно может на человека *свалиться* или *выпасть* ему; счастье — это немного стыдно» [10. С. 167]. Отметим, что смысловая доля «земное блаженство», включает в себя две семантические доли: с одной стороны, земное, материальное благополучие, что не является исконным для русской языковой картины мира (ср. примеры из словаря В.И. Даля), с другой стороны, слово «блаженство» толкуется как полное и невозмутимое счастье; наслаждение, что позволяет выделить вторую семантическую долю: «ощущение рая на земле» (духовное, душевное блаженство, состояние высшей радости, полноты жизни). Именно такое понимание счастья несет этическую нагрузку. О связи слова «блаженство» прежде всего с религиозной сферой свидетельствует и помета в словарной статье: «Вечное блаженство (в религиозных представлениях: загробная жизнь в раю)» [11. С. 50].

Остальные идеи, выделяемые А.А. Зализняком, также связаны с этической составляющей смысловой доли «лучшая часть», т.е. часть у Бога, участие в вечной жизни. Так, «счастье где-то есть, но ему нет места в жизни *здесь и сейчас*» восходит к идее истинного блаженства в раю; «счастье нельзя приобрести каким-либо алгоритмическим образом (заслужить, заработать и т.п.), его можно либо случайно *найти*, либо оно может на человека *свалиться* или *выпасть* ему» указывает на идею нематериальности счастья: вечную жизнь в раю можно заслужить особыми духовными подвигами (кстати сказать, удача, успех, везение в жизненных обстоятельствах расценивается верующими как помощь Божья, его промысел, а удача в картах и пр. как помощь нечистой силы); «счастье — это немного стыдно», возможно, связано с характерным для русской ментальности христианским

представлением о греховности хвастовства своим достатком, благополучием, в том числе и особым благодатным духовным состоянием, которое за грех и отнимается.

Кроме того, как верно подмечено А.А. Зализняком, категория счастья, являясь «одной из центральных в советской коммунистической мифологии, вобрала в себя многие элементы русской мифологии, несколько преобразовав их. Например, идея *всеобщего счастья*, которое надо *строить, ковать* (кузнецы своего счастья), и одновременно это и есть единственное *нестыдное* счастье в настоящем — в обеспечении *счастья будущих поколений*, за которое надо *бороться*; *высшее счастье* — *умереть в борьбе за счастье народа* и т.д.» [10. С. 167]. В сущности, особенности в пропагандируемом в советский период представлении о счастье есть продолжение традиционных этических ментальных представлений. Если иметь в виду, что счастье — это наследование лучшей доли, части от Бога, т.е. наследование вечной жизни в Царстве Небесном, в раю, для чего необходимо жить по евангельским заповедям, из которых важнейшие заключаются в любви к Богу и любви к ближнему, т.е. по-христиански, жить надо для других, то именно эта смысловая доля лежит в основе советских представлений о «нестыдном счастье в обеспечении жизни будущих поколений» и в «высшем счастье — умереть за счастье народа». Как представляется, даже идея борьбы за счастье восходит к религиозным представлениям о борьбе за спасение души, которое и заключается в стяжании участи, части, счастья быть с Богом в раю. А.А. Зализняком также замечено характерное для советского периода представление о том, что «счастье не падает с неба, а дается трудом (трудное счастье)», связь которого с религиозными этическими воззрениями очевидна.

Обратимся к однокоренным словам слова-концепта «счастье». В церковнославянском языке, по данным словаря Г. Дьяченко, встречается слово «оучастіе», обозначающее участок, удел [9. С. 771]. Прослеживается связь с русским «участь» — доля, судьба, удел — и с понятием «участие» в значении «сотрудничество, деятельность по совместному выполнению какого-нибудь общего дела» и «обладание долей, паем в чем-нибудь, в каком-нибудь предприятии, деле» (смысловая доля — часть в общем деле, в труде). Хотя семантическая доля, активизирующая этический смысл слова «участие», наблюдается и в этих значениях («иметь часть», например, *сотрудничество*, «брать часть забот»), основная этическая нагрузка слова раскрывается лишь в третьем значении: «сочувствие, сердечное отношение. Принять участие в ком-нибудь (выказать сочувственное отношение к кому-нибудь). *Я живо в нем участие приняла* (Грибоедов), *Она выказала искреннее участие в судьбе брата* (А. Тургенев). *Где прелесть эта встреч? участие в ком живое?* [14]. Смысловая доля участия — взять на себя *часть* чьих-то скорбей, горестей, испытать чужую *долю*, поделиться *частью* своей радости, *частью* сердца. Существенных смысловых различий между определениями разных словарей нами не обнаружено.

Интересно, что у однокоренных слов «злосчастье» и «несчастье» со стабильной отрицательной коннотацией этическая нагрузка значительно ниже. Злосчастье — несчастная доля, участь [14]; злосчастный — «несчастный, злополучный» [11]. В словаре С.И. Ожегова слово «несчастье» имеет два значения: «горестное событие» и «о ком-нибудь, о чем-нибудь огорчительном» (в том числе невезение,

неудача). Несмотря на то, что прослеживается семантическая доля — «плохая часть», этический смысл слов представляется неясным, видимо, от того же религиозного представления, что Бог не может посылать горести, облекать на недолго, всякий покаявшийся может изменить свою участь и вновь обрести часть у Бога.

Таким образом, этимологически вычленяемая смысловая доля в словах «счастье», «причастие», «участие», «участь» — «общая часть с Богом» несет высокую этическую нагрузку, восходит к религиозным представлениям, сохраняется во внутренней форме семантической структуры слов и обуславливает их положительную коннотацию. Высокая этическая нагрузка концепта «счастье», характерная для русской ментальности, обуславливает его отнесенность к фундаментальным бытийным категориям и широкое использование в речевой практике.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность / Сост. и комментарии В.В. Сапова. — М.: Канон плюс, ОН «Реабилитация», 1999. [*Berdyayev N.A.* Novoe religioznoe soznanie i obshhestvennost / Sost. i kommentarii V.V. Sapova. — М.: Kanon plus, ON «Reabilitaciya», 1999.]
- [2] *Булгаков С.Н.* Православие: Очерки учения православной церкви. — М.: Терра: Ассоциация совместных предприятий международных объединений и организаций, 1991. [*Bulgakov S.N.* Pravoslavie: Ocherki ucheniya pravoslavnoj cerkvi. — М.: Terra: Associaciya sovместных predpriyatij mezhdunarodnyx obedinenij i organizacij, 1991.]
- [3] *Булгаков С.Н.* Философия Имени. — СПб.: Наука. С.-Петербург. изд. фирма, 1999. [*Bulgakov S.N.* Filosofiya Imeni. — SPb.: Nauka. S.-Peterb. izd. firma, 1999.]
- [4] *Верещагин Е.М.* Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические изыскания. — М.: Индрик, 2001. [*Vereshhagin E.M.* Cerkovnoslavyanskaya knizhnost na Rusi. Lingvotekstologicheskie izyskaniya. — М.: Indrik, 2001.]
- [5] *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы): Монография. — М.: Изд-во РУДН, 1997. [*Vorobev V.V.* Lingvokulturologiya (teoriya i metody): Monografiya. — М.: Izd-vo RUDN, 1997.]
- [6] *Воркачев С.Г.* Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. — 2001. — Т. 60, № 6. — С. 47—58. [*Vorkachev S.G.* Koncept schastyu: ponyatijnyj i obraznyj komponenty // Izvestiya RAN. Seriya lit-ry i yazyka. — 2001. — Т. 60, № 6. — S. 47—58.]
- [7] *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка: Современное написание. — М.: Астрель; АСТ, 2000. [*Dal V.I.* Tolkovyy slovar russkogo yazyka: Sovremennoe napisanie. — М.: Astrel; AST, 2000.]
- [8] *Дмитриева Н.М.* Этически значимая лексика в поэтическом цикле Б. Пастернака «Стихотворения Юрия Живаго» // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2012. — № 4 (140) апрель. — С. 45—49. [*Dmitrieva N.M.* Eticheski znachimaya leksika v poeticheskom cikle B. Pasternaka «Stixotvoreniya Yuriya Zhivago» // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2012. — № 4 (140) aprel. — S. 45—49.]
- [9] *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. — М.: Отчий дом, 2001. [*Dyachenko G.* Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar. — М.: Otchij dom, 2001.]
- [10] *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сб. ст. — М.: Языки славянской культуры, 2005. [*Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D.* Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira. Sb. st. — М.: Yazyki slavyanskoj kultury, 2005.]

- [11] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. — М.: Азбуковник, 1999. [*Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* *Tolkovuj slovar russkogo yazyka.* — М.: Azbukovnik, 1999.]
- [12] *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. — М., 1997. [*Stepanov Yu.S.* *Konstanty. Slovar russkoj kultury.* — М., 1997.]
- [13] *Уфимцева Н.В.* 1996 — Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. — М., 1996. — С. 139—162. [*Ufimceva N.V.* 1996 — *Russkie: opyt eshhe odnogo samopoznaniya // Etnokulturnaya specifika yazykovogo soznaniya.* — М., 1996. — S. 139—162.]
- [14] *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Репринтное издание. — М., 1995. [*Ushakov D.N.* *Tolkovuj slovar russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. D.N. Ushakova.* Reprintnoe izdanie. — М., 1995.]
- [15] *Фасмер М.* Этимологический словарь: В 4 т. Т. 3. — М.: Астрель: АСТ, 2003. [*Fasmer M.* *Etimologicheskij slovar: V 4 t. T. 3.* — М.: Astrel: AST, 2003.]

ETHICAL COMPONENT OF THE CONCEPT “HAPPINESS” IN RUSSIAN LANGUAGE WORLD PICTURE

N.M. Dmitrieva

The Chair of Russian Philology and Methods of Teaching Russian
Orenburg State University
Pobedy Av., 13, Orenburg, Russia, 460018

The author of the article considers ethical components of the concept “happiness” in Russian mentality. The semantics of the concept in Russian and Church Slavonic language dictionaries and its use in speech are analyzed.

Key words: concept, mentality, language world picture, ethical component.